

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

О.А. КАЖАНОВ

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ФАКТОР ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ВЫБОРА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АНАЛИТИКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация. Автор касается малоизученного вопроса — применения факторного анализа поведения избирателей в русской электоральной аналитике начала XX века. На примере материалов думских избирательных кампаний 1906–1912 гг. изучаются взгляды отечественных исследователей на роль региональных и этнокультурных характеристик электорального пространства в процессе голосования. Вскрывается специфика подходов в рамках основных идейно-политических направлений того времени и выделяются отдельные теоретические догадки, сделанные их представителями.

Ключевые слова: электоральная аналитика начала XX века, думские выборы, электоральное поведение, факторный анализ, территориальный фактор, социокультурные характеристики электорального пространства.

Среди объективных причин, оказывающих влияние на электоральный выбор, современные политические географы и социологи называют территориальный фактор. «Географическая общность избирателей, — отмечает А. Ковлер, — политические традиции регионов, политический микроклимат в городе, районе имеют существенное значение при формировании политических позиций большого числа избирателей» [5, с. 23].

Территориальный фактор может проявляться как в региональном, так и в социокультурном измерениях. Если первое предполагает изучение влияния на голосование географического положения территории, то второе — ее социальных и этнокультурных характеристик. Разделение труда и управленческих функций в регионе ведет к

Кажанов Олег Александрович — кандидат философских наук, доцент, Смоленский государственный университет. **Адрес:** 214020, Смоленск, ул. Ломоносова, д. 21-а, кв. 27. **Телефон:** 8 (908) 282-27-40. **Электронная почта:** kazhanov@bk.ru

формированию различных и зачастую противоречивых политических интересов, связанных с отдельными социальными группами. Этнокультурный состав территории (этнические и конфессиональные группы [16, с. 7]) имеет исключительное значение для понимания специфики поведения электората. Как указывает И. Охременко, при определенных обстоятельствах принадлежность к национальной группе может оказывать большее воздействие на политический выбор, чем социальный статус [11, с. 31–32]. Региональное и этнокультурное измерения тесно взаимосвязаны. Так, А. Ковлер, описывая электоральное пространство нашей страны, делает вывод, что географический фактор в российских условиях — это прежде всего фактор национальный [5, с. 23].

Считается, что изучение влияния местного окружения на выбор российского избирателя берет начало на рубеже 80–90-х годов XX века, когда в стране начали проводиться всеобщие свободные выборы и электоральное поведение граждан стало формироваться как явление. При этом забывают об исследованиях такого рода в дореволюционной России, например в период думских избирательных кампаний 1906–1912 годов. Выводы их авторов содержали интересные теоретические догадки, которые по ряду причин не стали основой для формирования науки, но свидетельствовали о высоком уровне аналитической мысли предшественников отечественной электоральной социологии.

Думские выборы начала XX века в России вызвали большой интерес к проблеме электорального поведения граждан или, как говорили в то время, изучению «политической физиономии» общества. Итоги первой избирательной кампании 1906 года перечеркнули все прогнозы относительно возможных результатов голосования, дав зеленый свет пролиберальному народному представительству. Они заставили общественность взглянуть на электорат как на *tabula rasa*, чей выбор непредсказуем [7, с. 130].

С этого момента начинается исследование причин того или иного поведения российских избирателей на думских выборах, которое продолжалось в течение всех четырех кампаний. Среди выявленных объективных воздействий на характер голосования аналитики начала XX века называли и фактор территории, как в региональном, так и в этнокультурном значениях.

Напомним, что формирование электоральной социологии как отраслевой научной дисциплины исторически начиналось в рамках электоральной географии. Объектом ее исследования был не индивидуальный избиратель, а общности людей, проживавших на определенной территории, голосование которых могло оказаться весьма специфичным. Еще в преддумский период появлялись первые

эмпирические исследования прогнозного типа, построенные на социокультурном измерении территориальных электоральных групп [см.: 3].

В условиях думских выборов начала XX века, согласно наблюдениям отечественных публицистов, выделялось несколько направлений воздействия регионального фактора на поведение больших групп российского электората. Одно из них — территориально-поселенческая дифференциация электорального пространства. Начиная с выборов в I Государственную Думу, хорошо прослеживалась специфика поведения селян и горожан в период избирательных кампаний.

Деревенский уклад определял, с одной стороны, тесную социально-психологическую зависимость селян друг от друга, высокий уровень социального контроля в сообществе, где все друг друга знают и жизнь каждого проходит на виду у всей общины, с другой — слабость коммуникационных связей между жителями различных поселений. Среда крестьянских избирателей в этом плане представляла собой противоречивый конгломерат лиц, объединенных требованиями проведения земельной реформы¹ и приоритета представительства интересов их местности. Конкуренция узкогрупповых требований нередко определяла специфику поведения сельского электората на выборах. «Многие избиратели (на сельском сходе, волостном) и многие уполномоченные и выборщики (на уездных, городских и губернских выборах), — отмечал Д. Стахович, — потому и старались во чтобы бы то ни стало избрать в выборщики или члены Государственной Думы непременно лицо из *своего* [курсив автора. — О.К.] села, волости...» [15, с. 14].

Довольно условную роль в формировании электорального выбора играли партийные ориентации деревенских жителей. Незрелость партийно-политической жизни в стране, слабая предвыборная пропаганда и агитация на селе позволяли участникам четырехстепенной системы голосования свободно пользоваться политическими ярлыками «кадет», «прогрессист», «октябрист» и т. д. Популярен был статус «беспартийного», позволявший кандидатам получать электоральную поддержку и проходить в состав думских депутатов².

¹ Эту особенность отмечал кадет Д. Протопопов в своих воспоминаниях о выборах в I Государственную Думу, проходивших весной 1906 года в Самарской губернии. «В общем, должен признаться, — писал он, — речи крестьянских уполномоченных меня поразили в смысле универсальности крестьянских требований того времени. Не имея никаких сношений с другими губерниями, наши крестьяне говорили буквально то же самое, что крестьяне большинства местностей России» [см.: 4, с. 9].

² Д. Протопопов обратил внимание на то, что сельские избиратели видели угрозу «общему делу» в партийной дифференциации своих думских представителей. «Еще в Николаевске, — вспоминал он, — слушая дебаты

Нередко сословная принадлежность, фактор землячества, биографические данные претендента играли большую роль в электоральном выборе, чем его политические предпочтения. Как писал о крестьянских выборах в I Государственную Думу, проходивших в губерниях Центральной России, хроникер «Вестника Европы», «баллотировались не столько партийные списки, сколько конкретные местные люди» [2, с. 420].

Определенное влияние на электоральное поведение оказывала и распыленность сельских поселений в рамках избирательных округов при неразвитости транспортных коммуникаций. Большие расстояния, ужасное состояние дорог, плохие погодные условия становились одной из причин электоральной пассивности, находившей свое оправдание в расхожей фразе: «Ну, что еще там выдумали: Дума какая-то, выборы! Тащись за 100 верст! И без нас, чать, управятся» [4, с. 8]. Этот же фактор использовался самодержавной властью в избирательных кампаниях для контроля над ходом голосования с целью изоляции «неблагонадежных» избирателей или выборщиков. Нередко информация об избирательном съезде появлялась в официальных периодических изданиях за день-два до его проведения, чтобы участники, особенно проживающие далеко от места выборов, не успели добраться в срок.

Другая ситуация складывалась в крупных городах с особым представительством. В отличие от села, политическая жизнь здесь развивалась особенно активно, и электоральный выбор исходил в большей степени из партийных предпочтений. Коммуникативная среда, в которой формировалось политическое сознание горожан, включала в себя самые разнообразные взаимосвязи, позволяющие получать многостороннюю информацию о кандидатах и их программах. Этому способствовало распространение партийной периодической печати, проведение предвыборной агитации и пропаганды, конечно, в границах, определяемых авторитарной властью.

Русские аналитики начала XX века обращали внимание и на социальные характеристики территориальных сообществ. Анализируя городской электорат, они учитывали сложность его социального состава в связи с наличием законодательно установленных цензов (имущественного, квартирного и др.). В рамках избирательных разрядов концентрировались представители различных классовых, сословных, профессиональных и других социальных групп, обладающие правом голоса. Деление территории города на ряд избирательных

крестьянского предвыборного собрания, я обратил внимание на их резкий протест против всякой партийности: «Какие еще там партии! Мы все крестьянской партии! Вот и все тут!» [4, с. 11].

участков приводило к неравномерному распределению представителей социальных сегментов, а значит, и электоральных предпочтений, что должны были учитывать политические партии, участвовавшие в выборах.

Так, Ф. Мускатблит, описывая кампанию кадетов в Санкт-Петербурге на выборах в I Государственную Думу (1906), специально анализировал социальный состав электората различных избирательных участков в городе. Среди них выделялись кварталы, в которых преобладали представители состоятельных и привилегированных классов, интеллигенции, столичного чиновничества, военные «в высоких чинах», рабочие (соответственно Адмиралтейский, Василеостровский, Петербургский, Коломенский и Выборгский участки) и т. д. В районе, где находились столичные рынки (Спасский участок), доминировали торговцы, причем наличие среди них хозяев и приказчиков определяло остроту предвыборной агитации. Наконец, выделялись избирательные участки со смешанным социальным составом голосующих (Казанский) [8, с. 39–41]. Такой же подход мы встречаем и у Б. Щетинина, описывавшего ход голосования за выборщиков в Москве во время первой думской кампании. Автор выделяет участки с преобладанием «интеллигенции» (например Тверской) и «серой» публики (например Якиманский) [8, с. 509, 516.].

Особый интерес к социально-территориальному фактору электорального поведения проявляли марксистские публицисты, изучавшие экономико-хозяйственные особенности регионов страны. Их целью было определение доминирующих социально-классовых групп, способных оказать влияние на итоговые результаты территориального голосования. В основу электорального районирования закладывались разные критерии: межотраслевая специализация, позволявшая выявлять промышленные и аграрные регионы, где шансы на успех у различных партийных структур были неоднозначны (И. Чернышев), внутриотраслевая специализация (Н. Череванин) или способ ведения хозяйства (Н. Громан), объяснявшие специфику голосования внутри одной социально-классовой группы. Учет хозяйственно-экономического фактора позволял прогнозировать итоги голосования, а также оценивать результаты прошедших кампаний, объясняя их специфику в рамках отдельных избирательных округов.

Однако марксистские аналитики при электоральном районировании не могли отрицать и значимость этнокультурного фактора. Некоторые из них рассматривали национальные интересы как мотив электорального выбора, обусловленный историческими судьбами ряда народов в российском государстве. Великодержавная политика царизма спланировала антагонистические классы на почве этнической солидарности. По мнению, например, М. Соболева, в преддумский

период у поляков, финнов, армян возможно возникновение политических организаций, в которых с целью защиты национальных интересов представители и землевладения, и капитала, и труда могут сплотиться в нечто целое [14, с. 32]. При том, что этот мотив считался вторичным, эмпирики - марксисты вынуждены были выделять регионы, где этническая солидарность превалировала над социально-классовыми интересами. Анализируя участие крестьянства в формировании первого народного представительства (1906 год), П. Орловский отмечал этот феномен не только на западных окраинах Российской империи (например в Виленской губернии, где классовые отношения «осложняются национальным и религиозным моментом»), но и в ее восточной части (например, в Уфимской губернии, где коренное население стремилось выбирать депутатов-инородцев для защиты своих прав) [10, с. 29, 31].

Более объективно влияние территориально-этнического фактора на думское голосование оценивали представители либерального направления в русской публицистике начала XX века. На взгляд Ф. Кокошкина, модель социально-классового избирателя далека от реальности, «...если мы примем во внимание, что в общественной и государственной жизни играют важную роль не только экономические интересы, но и интересы иного порядка, национальные, религиозные и политические в тесном смысле этого слова» [6, с. 23]. О наличии в обществе множества политических интересов (классовых, сословных, государственных, локальных, в том числе и национальных) и необходимости представлять их на парламентской арене говорил А. Рыкачев: «Ошибка социал-демократических партий заключается не в том, что они служат классовым интересам рабочих, а в том, что они не считаются с силой других исторических интересов, кроме классовых...» [13, с. 51].

Представители консервативного направления в русской политике придавали этнокультурному измерению электорального пространства доминирующее значение. Анализируя ход первой думской кампании, монархист Н. Энгельгард приходил к выводу, что выборная борьба всюду вообще переходит на национальную почву [19, с. 317]. Он имел в виду национальные окраины Российской империи, и в первую очередь — ситуацию на западных территориях ее европейской части. Они отличались сложным полиэтничным составом населения, дополненным многообразием конфессиональных групп, относительно высоким уровнем социально-экономического развития, неоднозначным взаимодействием национальных культур и т. д. Это определяло этнокультурную сегментацию регионального электората и стимулировало остроту предвыборной борьбы. Победа в ней определялась не только численностью, но и организованностью и сплоченностью избирателей

того или иного «сегмента». Н. Энгельгард приводит как пример выборы в Гродненской губернии, где 57% жителей составляли русские, 24,1% — поляки, а 17,5% — евреи. Однако в составе губернского избирательного съезда из 107 выборщиков 40 составили представители русского населения, 40 или 42 — польского и 26–28 — еврейского. Такой «расклад» указывал на электоральную активность двух последних групп. На съездах частных землевладельцев чаще всего формировалось католическое большинство, проводившее в состав выборщиков исключительно поляков; на городских съездах избирателей доминировали евреи, не оставлявшие шансов польским и русским кандидатам. «Словом, — указывает Н. Энгельгард, — выборы шли не по партиям, но по национальным группам» [19, с. 318].

Марксистский публицист З. Олов, несмотря на традиционное признание социально-классовых интересов доминирующим фактором в формировании электоральных предпочтений прибалтийских жителей, был вынужден признать и значимость этнокультурных влияний на этот процесс. Анализируя кампанию по выборам IV Государственной Думы в прибалтийских городах, исследователь свидетельствует: партийно-политическая конкуренция уступает место столкновению этнополитических групп, ориентированных на поддержку избирателей, объединенных по национальному или межнациональному признаку. «Общее впечатление от выборов по городам, — отмечал З. Олов, — это рост и сплочение среднелиберальных элементов. Эта черта часто совершенно стусевывается конкуренцией местных национальных клик. Избирательная борьба получает характер соперничества разных национальных группировок: немцы — с одной стороны; латыши и евреи, или эстонцы и русские — с другой» [9, с. 125].

Оценивая соотношение социально-классового и этнического факторов в механизме формирования электорального выбора, З. Олов противопоставляет их влияние на избирателя, считая, что последний тормозит процесс его партийно-идеологической идентификации. «Национальный момент» доминирует в электоральной среде, «не привыкшей политически мыслить и выросшей на националистической фразеологии обывателя» [9, с. 124], создавая благоприятные условия для манипулирования политическими настроениями ее представителей. Однако рост социально-экономических противоречий в обществе, становление рабочего движения на полиэтничных территориях неизбежно должны стирать национальные границы при сегментировании электората, уступая место сплочению избирателей на основе классовых интересов.

Идеи марксистов относительно роли и места «национального момента» в формировании электорального выбора россиян не разделяли либеральные аналитики. Оценивая особенности кампании по

выборам в IV Государственную Думу, публицист А. Изгоев указывал на рост откровенно националистических выступлений на «окраинах» Российской империи. Желание иметь «своих» представителей в парламенте страны спланивало этнические сегменты территориальных групп и обостряло политическую конкуренцию между ними. Наряду с общероссийскими партиями, учитывавшими те или иные пункты националистических программ, в борьбе за голоса избирателей участвовали и региональные политические объединения, ориентированные на запросы конкретных этнических групп. По мнению исследователя, поляки, немцы, украинцы, представители мусульманских народов (например, татары или башкиры) стремились проводить в состав депутатского корпуса «своего» кандидата или вотировать за того, чья программа в области решения национального вопроса была более многообещающей. «Национальности выступали, таким образом, — писал А. Изгоев, — не как политические группы, а как национальные группы, объединенные национальными чувствами и интересами» [1, с. 179].

Наблюдения за ходом думских избирательных кампаний в стране позволили российским исследователям начала XX века добавить еще один «штрих» к рассматриваемому вопросу. Он касался электорального поведения национальных диаспор, проживавших в Российской империи за пределами исторической «родины». Современные политические технологи учитывают этот момент при разработке предвыборной стратегии и тактики кандидата. По мнению А. Ковлера, «...и в пределах избирательного округа кандидату необходимо знать, представители каких национальностей проживают в его округе; ведь многие из них переносят проблемы своего народа в ту среду обитания, в которой они оказались» [5, с. 23]. Эта особенность проявилась и в условиях политических выборов на территории Российской империи начала XX века. Причем знакомство с публикациями, анализирующими различные думские кампании, указывает на определенную динамику электорального выбора национальных диаспор.

Так, исследуя результаты первых думских выборов в Санкт-Петербурге, К. Хряпин писал, что столица «как избирательная единица, как арена политической борьбы, представляет собой весьма характерный образец того разнообразия расовых, социальных и экономических интересов, которые являются общими для государства» [17, с. 52]. Этнический состав населения столицы включал 87% русских, более 3% ассимилировавшихся немцев, 3,5% поляков, 1,6% евреев, 1,8% финнов и около 3% других национальностей. Голосование представителей диаспор указывало на тот факт, что в основе их электорального выбора лежали не национальные, а скорее социально-экономические интересы. Не положение этноса в целом, а положение

диаспоры, к которой принадлежал избиратель, определяло его партийно-политические ориентации. «Мы знаем, например... — писал К. Хряпин, — что поляки и евреи на прошлых выборах в Государственную Думу, как элемент более других недовольный, примыкал к партиям, стоящим влево от центра, а петербургские немцы, у которых меньше оснований жаловаться на судьбу в России, присоединились к союзу 17 Октября и даже образовали в Петербурге особую группу 17 Октября» [17, с. 53].

Наблюдение за поведением представителей этнических диаспор в период четвертой думской кампании, проводимое А. Изгоевым, указывало на смену мотивации их голосования. Одной из характерных черт этих выборов, по его мнению, были откровенно националистические выступления представителей различных национальностей России не только на окраинах, но и в центре [1, с. 178]. Показательным, на взгляд автора, явился инцидент, произошедший с лидером кадетской партии П. Милюковым в предвыборный период. Он посоветовал варшавским избирателям-евреям не голосовать за представителя Национал-демократической партии, прославившегося своими антисемитскими взглядами, а поддержать на выборах более умеренного польского политика, не выставляя своего собственного кандидата. Данное заявление, выдержанное в духе партийной программы, ратовавшей за равноправие народов и наций, вызвало бурю возмущения не только в самой Польше, переживавшей очередной виток польско-еврейского антагонизма, но и далеко за ее пределами [1, с. 179].

Петербургские поляки, выступившие как национальная группа, выдвинули против кадетов и самого П. Милюкова обвинение во «вмешательстве» в варшавские выборы. В выступлении русского политика было усмотрено «посягательство на автономию Польши». Чтобы выразить свое недоверие П. Милюкову, они решили заменить его фамилию в кадетском избирательном списке на фамилию баллотировавшегося социал-демократа Соколова. Данный пример свидетельствовал о том, что в формировании идейно-политических предпочтений представителей этнических диаспор национальный «момент» получал доминирующее значение.

Мы коснулись лишь отдельных направлений изучения территориального фактора электорального выбора в русской аналитике начала XX века. Однако, как нам представляется, предшественники современной электоральной социологии шли в правильном направлении, накапливая догадки о роли региональных и социокультурных характеристик российского электорального пространства. Эти материалы впоследствии могли бы стать основой для разработки одного из направлений факторного анализа поведения избирателей в стране. И хотя этого не случилось, было бы несправедливо забывать тот

исследовательский задел, который был создан в прошлом. Его изучение, пользуясь словами Ю. Пивовара, свидетельствует об особой энергии и креативности русского интеллектуального взрыва того времени [12, с. 38] и позволяет установить исторические параллели между прошлым и настоящим отечественной науки о выборах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Изгоев А.* На перевале. Что дальше? // Русская мысль. 1912. Ноябрь. С. 167–181.
2. Из общественной хроники // Вестник Европы. 1906. Т. V. С. 418–433.
3. *Кажанов О.А.* Метод статистического моделирования в российских электорально-социологических исследованиях начала XX века (на примере публицистики И. Чернышева) // Социологический журнал. 2013. № 1. С. 64–74.
4. К 10-летию 1-ой Государственной Думы. 27 апреля 1906 – 27 апреля 1916 // Сборник статей перводумцев. Петроград, 1916. — 232 с.
5. *Ковлер А.И.* Избирательные технологии: российский и зарубежный опыт. М.: УРСС, 1995. — 115 с.
6. *Кокошкин Ф.* Об основаниях желательной организации народного представительства в России. М., 1906.
7. *Ленский.* Некоторые итоги избирательной кампании (Городская и рабочая курии) // Вопросы момента. М., 1906. С. 129–161.
8. *Мускатблит Ф.* Первый русский парламент. (Избирательная кампания и ее итоги) / С предисл. А.С. Изгоева. Одесса: Б-ка книгоизд-ва «Буревестник», 1906. — 88 с.
9. *Олов З.* Выборы в Прибалтийском Крае // Наша Заря. 1912. № 11–12. С. 119–127.
10. *Орловский П.* Некоторые итоги первой Думы // Образование. 1906. № 9. С. 23–43.
11. *Охременко И.В.* Электоральное поведение: теория вопроса: Учебное пособие: В 2 ч. Ч. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. — 52 с.
12. Российская политическая наука. В 5 т. / Под общ. ред. А.И. Соловьева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. Т. 1: XIX – начало XX в. / Отв. ред. и авт. вступ. ст. Ю.С. Пивоваров. — 840 с.
13. *Рыкачев А.* Реальный базис и идеальные задачи политических партий. (О партийной борьбе и партийном разоружении) // Русская мысль. 1911. Декабрь. С. 34–53.
14. *Соболев М.* Экономические интересы и группировка политических партий в России. М., 1906. — 34 с.
15. *Стахович А.* Как и кого выбирать в Государственную Думу. Что такое партийные выборы? Краткий обзор русских политических партий. М., 1907. — 31 с.
16. *Туровский Р.Ф.* Региональное измерение электорального процесса: концептуальные основы исследований // Общественные науки и современность. 2006. № 5. С. 5–19.
17. *Хряпин К.* Что необходимо знать избирателям в Государственную Думу. Освещение различных фазисов избирательной кампании 1906–1907 гг. СПб.: СПб. гор. тип., 1907. — 57 с.

18. Щетинин Б. Около избирательных урн. (Из наблюдений очевидца) // Исторический вестник. 1906. Май. С. 508–518.
19. Энгельгард Н. Современная летопись // Русский вестник. 1906. Май. С. 18–28.

Дата поступления: 12.03.2014.

O.A. KAZHANOV

Kazhanov Oleg Aleksandrovich — Candidate of Philosophical Sciences, Associate professor, Smolensk State University. **Address:** Flat 27, 21-a, Lomonosov st., Smolensk, Russian Federation 214020. **Phone:** +7 (908) 282-27-40.

Email: kazhanov@bk.ru

**TERRITORIAL FACTOR OF THE ELECTORAL CHOICE
IN THE RUSSIAN ANALYTICS OF THE EARLY 20-TH CENTURY**

Abstract. The author touches upon one of the least studied issues, that of the application of the factor analysis to the behavior of electors in the Russian electoral practice of the early 20-th century. The article notes that the election to the State Duma of the Russian Empire caused a great interest in the research of the electoral choice at the as well as singling out of its formation determinants. One of the main subjects of our research are the entities of people resident on a certain territory and exhibiting certain specific features in voting. Using the materials of the Duma electoral campaigns of 1906–1912 which comprehended the outlooks of the Russian researchers of the territorial-and-little-village-like settlements and ethnocultural characteristics of the electoral space in the process of voting. The article also indicates that special objects of analysis were also ethnic diasporas residing in the largest cities of the Russian Empire. The Russian analysts fixed the changes in the political motivation of their representatives in the entire course of the Duma Election. The author reveals the special features of approaches in the framework of the basic ideal and political factors of that period and singles out some theoretical guesses, made the representatives of that time? Which though having not become the basis of forming science? Yet testified to a very high level of an analytical thought of the Russian electoral researchers of the early 20-th century.

Keywords: electoral analytics of the early 20-th century, the Duma elections, electoral behavior, the factor analysis, the territorial factor, sociocultural characteristics of the electoral space.

REFERENCES

1. Izgovev A. *Na perevale. Chto dal'she? Russkaja mysl'*. 1912. Nojabr'. S. 167–181. (In Russ.)
2. *Iz obshhestvennoj hroniki*. Vestnik Evropy. 1906. Tom V. S. 418–433. (In Russ.)
3. Kazhanov O.A. *Metod statisticheskogo modelirovanija v rossijskih jelektoral'no-sociologicheskijh issledovanijah nachala HH veka (na primere publicistiki I. Chernysheva)*. Sociologicheskij zhurnal. 2013. No. 1. S. 64–74. (In Russ.)
4. *K 10-letiju 1-oj Gosudarstvennoj Dumy. 27 aprelja 1906 – 27 aprelja 1916*. Sbornik statej pervodumcev. Petrograd, 1916. — 232 s. (In Russ.)
5. Kovler A.I. *Izбирatel'nye tehnologii: rossijskij i zarubezhnyj opyt*. Moskva: URSS, 1995. — 115 s. (In Russ.)
6. Kokoshkin F. *Ob osnovanijah zhelatel'noj organizacii narodnogo predstavitel'stva v Rossii*. Moskva, 1906. (In Russ.)
7. *Lenskij. Nekotorye itogi izbiratel'noj kampanii (Gorodskaja i rabochaja kurii)*. Voprosy momenta. Moskva, 1906. S. 129–161. (In Russ.)
8. Muskatblit F. *Pervyj russkij parlament. (Izбирatel'naja kampanija i ee itogi)*. [S predisl. A.S. Izgoveva]. Odessa: B-ka knigoizd-va «Burevestnik», 1906. — 88 s. (In Russ.)

9. Olov Z. *Vybory v Pribaltijskom Krae*. Nasha Zarja. 1912. No. 11–12. S. 119–127. (In Russ.)
10. Orlovskij P. *Nekotorye itogi pervoj Dumy*. Obrazovanie. 1906. No. 9. S. 23–43. (In Russ.)
11. Ohrenenko I.V. *Jelektoral'noe povedenie: Teorija voprosa: Uchebnoe posobie: V 2 ch. Ch. 1*. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2002. — 52 s. (In Russ.)
12. Rossijskaja političeskaja nauka. V 5 t. [Pod obshh. red. A.I. Solov'eva]. M.: Rossijskaja političeskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2008. T. 1: HIX – nachalo HH v. [Otv. red. i avt. vstup. st. Ju.S. Pivovarov]. — 840 s. (In Russ.)
13. Rykachev A. *Real'nyj bazis i ideal'nye zadachi političeskijh partij. (O partijnoj bor'be i partijnom razoruzhenii)*. Russkaja mysl'. 1911. Dekabr'. S. 34–53. (In Russ.)
14. Sobolev M. *Jekonomičeskie interesy i gruppirovka političeskijh partij v Rossii*. Moskva, 1906. — 34 s. (In Russ.)
15. Stahovich A. *Kak i kogo vybirat' v Gosudarstvennuju Dumu. Chto takoe partijnye vybory? Kratkij obzor russkijh političeskijh partij*. Moskva, 1907. — 31 s. (In Russ.)
16. Turovskij R.F. *Regional'noe izmerenie jelektoral'nogo processa: konceptual'nye osnovy issledovanij*. Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2006. No. 5. S. 5–19. (In Russ.)
17. Hrjapin K. *Chto neobhodimo znat' izbirateljam v Gosudarstvennuju Dumu. Osveshhenie razlichnyh fazisov izbiratel'noj kampanii 1906–1907 gg.* SPb.: SPb. gor. tip., 1907. — 57 s. (In Russ.)
18. Shhetinin B. *Okolo izbiratel'nyh urn. (Iz nabljudenij ochevidca)*. Istoričeskij vestnik. 1906. Maj. S. 508–518. (In Russ.)
19. Jengel'gard N. *Sovremennaja letopis'*. Russkij vestnik. 1906. Maj. S. 18–28. (In Russ.)

Received: 12.03.2014.